

КАРЦЕРОРОДЯЩИЙ

КАЛИГУЛЯТОР .

18+

КАЛИГУЛЯТОР .
КАРЦЕРОРОДЯЩИЙ

«Автор»

2026

. К.

КАРЦЕРОРОДЯЩИЙ / К. . — «Автор», 2026

Он не произнес ни слова за десять лет. Родриго Курпатов, «Молчаливый эксперт», заживо похоронен в бетон-ном мешке карцера строгого режима. Тюрьма давно за-была его голос, списав узника в архив безнадежных психопатов. Но когда одно из крыльев колонии взлетает на воздух, погребая под обломками десятки заключенных и охранников, Курпатов внезапно размыкает уста. Он тре-бует к себе единственного человека — всемирно извест-ную журналистку Вивьен Тарасову. В обмен на беспре-цедентное интервью он обещает не просто признание в организации взрыва, а шокирующий каталог своих зло-деяний, о которых никто даже не догадывался. Вивьен предстоит спуститься в ад чужих воспоминаний, где каж-дая новая исповедь монстра будет не просто историей о жестокости, а частью дьявольского пазла, который Кур-патов начал собирать еще 15 лет назад, задолго до того, как переступил порог этой тюрьмы.

© . К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

КАЛИГУЛЯТОР . КАРЦЕРОРОДЯЩИЙ

Глава 1. Тишина

Система климат-контроля в студии «Голос Города» издала протяжный, умирающий стон и затихла. Вивьен Тарасова осталась в вакууме. Сорок секунд назад она закончила прямой эфир с военным корреспондентом из Судана, и теперь искусственная тишина аппаратной давила на барабанные перепонки, словно вата, пропитанная эфиром. Она стянула с головы наушники, чувствуя, как кожа на висках горит от усталости. Экран монитора перед ней все еще транслировал дымящиеся руины Хартума, но взгляд Вивьен уже был прикован к собственному отражению в погасшей панели. Женщина тридцати семи лет с глазами цвета штормового неба, которая объездила полмира в поисках правды, сейчас чувствовала только выжженность. Её премия «Золотое перо» пылилась на полке, как музейный экспонат, напоминая о том, что настоящая журналистика давно сменилась бесконечной гонкой за трафиком.

Ассистент Леша, юноша с вечно потеющими ладонями и маниакальной страстью к порядку, просунул голову в дверь. Его лицо имело непривычный, серовато-бледный оттенок.

— Вивьен... Там это... — он нервно облизал губы. — В приемной сидит майор юстиции из ФСИН. Лично. Говорит, срочно.

Вивьен не обернулась. Она медленно смотала провод гарнитуры, купируя раздражение. За двадцать лет работы она научилась ненавидеть визиты силовиков. Обычно это означало одно: какой-нибудь зарвавшийся генерал хочет опровержения на статью о коррупции или, что хуже, предлагает «слить» конкурента.

— Пусть подождет. Я не вызывала майоров на сегодня, — сухо бросила она, щелкая замком кейса с аппаратурой. Но Леша не уходил. Он переминался с ноги на ногу, и в его молчании было что-то такое, что заставило Вивьен наконец повернуть голову.

— Он сказал... Сказал, что говорит от имени человека, который взорвал корпус в «Горном тупике». Он говорит, этот человек хочет дать интервью. Только вам.

Рука Вивьен замерла на полпути к стаканчику с остывшим американо. «Горный тупик». Название прогремело на всех новостных лентах ровно восемнадцать часов назад. Где-то в промерзших недрах Сибири, в колонии строгого режима для особо опасных рецидивистов, в четыре утра по местному времени взлетел на воздух целый режимный корпус. Информация была скупой и страшной: десятки погибших, завалы, вой сирен. Официальная версия — утечка газа. Неофициальная, которую Вивьен выудила из своих источников в МВД еще до эфира, — целенаправленный подрыв, теракт с использованием пластиковой взрывчатки, заложенной в вентиляционные шахты. Исполнитель неизвестен.

И вот теперь какой-то майор сидит в её приемной и утверждает, что преступник не только найден, но и требует аудиенции.

Через три минуты Вивьен сидела напротив человека в плотной серой форме с подполковничьими звездами на погонах, хотя Леша и обозвал его майором. Подполковник Игорь Денисович Грачев, начальник оперативного отдела «Горного тупика», выглядел так, будто его вытащили прямо из-под обломков. Под его короткими, почти прозрачными от седины волосами, на лбу багровел свежий рубец, заклеенный полоской медицинского пластыря. От него пахло больницей и бензином. Он отказался от кофе и, не тратя время на формальности, положил на журнальный столик глянцевую фотографию.

Снимок был сделан явно на скрытую камеру. На койке, прикрученной к бетонному полу, сидел человек. Тело его было расслабленным, но походило на скрученную пружину — мышцы

рук, обтянутых серой тюремной робой, выделялись жилистыми узлами. Череп обривали наголо так часто, что кожа на голове отливала матовой белизной, напоминая побелевший мрамор. Глаза были полуприкрыты, но даже сквозь зернистость снимка Вивьен почувствовала нечто инородное в его позе. Заключенные такого типа либо забиваются в угол, ожидая удара, либо ломаются, пуская слюни. Этот же сидел с прямой спиной, словно именно он был хозяином этого каменного мешка.

— Родриго Курпатов, — голос Грачева звучал глухо, будто он говорил через противогаз. — Кличка «Немой». Или просто «Эксперт». Сидит десять лет. Из них восемь — в карцере. И знаете, что самое интересное в этом человеке, госпожа Тарасова? Он не проронил ни единого слова. Вообще. Ни «здравствуй», ни «пошел ты». Полная тишина на протяжении десяти лет.

Вивьен взяла фотографию кончиками пальцев. Эксгибиционист. Она помнила это дело, хоть и смутно. Скандальный процесс, потрясший богемную Москву начала десятых. Но то, что было в газетах, никак не вязалось с образом сидельца строгого режима. Там писали о фрике, о человеке, который любил шокировать публику голым телом в общественных местах, об очередном городском сумасшедшем с проблемной психикой. В его действиях не было насилия. Там была провокация, гротеск, эпатаж, но не кровь.

— Полгода назад его перевели из общего карцера в подвальное помещение, так называемую «каменную нору», — продолжил Грачев, его взгляд сверлил Вивьен. — Это одиночная камера с двойной дверью, без окон, с принудительной вентиляцией. Он сидел там за систематические акты неповиновения режиму, хотя, учитывая его обет молчания, это звучит как бред.

— Тогда за что? — перебила Вивьен. Её журналистское чутье уже начало подавать сигналы тревоги, смешанные с азартом.

— За то, что все, кто пытался войти с ним в длительный тактильный контакт, кончали дуркой, — Грачев нервно потер рубец на лбу. — Охранники начинали заговариваться, рассказывать небылицы, а один так и вовсе пытался перерезать себе вены заточкой, бормоча про то, что Курпатов «смотрит сквозь его кожу». Мы списали это на мощную отрицательную харизму. Он как черная дыра. Поглощает все. А вчера, когда взорвался третий корпус и мы были сиренами, я лично спустился в его нору — проверить, жив ли. И тут, мать вашу, эта дыра впервые открыла рот.

Подполковник замолчал. В комнате повисла наэлектризованная пауза. Вивьен подалась вперед.

— Что он сказал?

— Он не кричал. Он сидел на бетонном полу, скрестив ноги, как йог, и негромко, но предельно внятно сказал следующее: «Гражданин подполковник, будьте любезны, найдите мне Вивьен Тарасову. Желательно побыстрее. У нас всего пять дней, прежде чем я совершу нечто еще более безумное. А в знак серьезности моих намерений передайте ей это».

Грачев вытащил из внутреннего кармана кителя небольшой пластиковый пакетик для вещдоков. Внутри лежал клочок грубой серой бумаги, явно вырванный из писчего тюремного блокнота. Вивьен взяла его двумя пальцами и поднесла к свету. На бумаге аккуратным, почти каллиграфическим почерком, была выведена всего одна фраза. Это были координаты и дата: точное место и время аварии, в которой погибли её родители двадцать лет назад. Информация, которая никогда и нигде не публиковалась в прессе, потому что Вивьен сама выкупила тираж газеты с той заметкой.

Кровь отлила от её лица. Она почувствовала, как стены аппаратной начинают сужаться.

— Он сказал, что ждет вас, — сухо добавил Грачев, поднимаясь. — Вертолет вылетает из Домодедово через два часа. Если вы откажетесь, я даже не знаю, что делать. Этот человек спланировал то, что произошло вчера, сидя в бетонной клетке без связи. И, положив руку на сердце, мне плевать, кто вы и сколько у вас статуэток. Если Курпатов заговорил — значит, у

него есть новый чудовищный план, в котором вы занимаете не последнее место. Рекомендую вам собраться.

Оставшись одна, Вивьен еще долго смотрела на смятый клочок бумаги с датой, которую она видела в ночных кошмарах. Ей казалось, что даже воздух вокруг изменился, наполнившись запахом подземного мха и озона, как перед страшной грозой. Она достала диктофон, проверила батарею и положила в карман дополнительный блок памяти. Приглашение в ад было подписано её собственной кровью. Отказаться от него значило бы предать саму себя.

666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666

Вертолет Ми-8 с выцветшей эмблемой Федеральной службы исполнения наказаний дрожал каждой заклепкой, рассекая свинцовое молоко облаков над бескрайней тайгой. Вивьен сидела на жесткой откидной скамье, вцепившись пальцами в край сиденья, и смотрела в иллюминатор, хотя смотреть там было решительно не на что. Внизу, насколько хватало глаз, простиралось море хвойной зелени, перемежаемое ржавыми проплешинами болот. Цивилизация закончилась час назад, когда вертолет миновал последний поселок городского типа с его облупленными панельными пятиэтажками и одиноким дымом котельной. Теперь внизу была только первозданная, равнодушная к человеку природа, готовая поглотить любого, кто сделает неверный шаг.

Подполковник Грачев сидел напротив, расставив ноги в тяжелых армейских ботинках, и молча жевал пластинку сухого пайка. Его глаза, воспаленные и красные от недосыпа, смотрели в одну точку на переборке. За время полета он не проронил и десяти слов, лишь однажды, когда вертолет резко клюнул носом в воздушную яму, он машинально перекрестился и тут же, словно устыдившись своего порыва, сжал кулак.

— Расскажите мне о нем, — Вивьен пришлось почти кричать, чтобы перекрыть гул винтов. — То, чего нет в деле. То, что знаете только вы.

Грачев медленно перевел на нее взгляд, и в этом взгляде читалась вековая усталость человека, который слишком долго сторожил бездну и начал замечать, что бездна всматривается в него в ответ.

— В деле написано, что он эксгибиционист-рецидивист с нарциссическим расстройством личности, — губы подполковника искривились в горькой усмешке. — Знаете, что такое нарциссическое расстройство в понимании тюремного психиатра? Это когда зэк считает себя умнее всех. Но с Курпатовым все иначе. Десять лет назад, когда его только привезли, я был капитаном и дежурил на приемке. Его доставили в наручниках, с мешком на голове, как особо опасного. И вот снимают мешок, а он... улыбается. Не безумно, не нервно. А так, словно встретил старых знакомых. Словно он вернулся домой после долгой командировки.

Вивьен достала диктофон, но Грачев отрицательно покачал головой.

— Без записи. Пока без записи. — Он потер переносицу. — Первые три месяца он вел себя тихо. Даже слишком тихо. Не нарушал режим, не лез в конфликты. А потом случился инцидент в бане. Один из смотрящих, авторитетный мужик по кличке Штырь, решил проверить новенького на вшивость. Знаете, стандартная процедура: опустить, сломать, поставить на место. Мы потом нашли Штыря в предбаннике. Он сидел голый на кафельном полу и пытался выцарапать себе глаза. Кричал, что Курпатов показал ему «истинное лицо Бога» и что это лицо ужасно. Штырь ослеп на один глаз, хотя физически Курпатов к нему даже не прикоснулся.

Вертолет снова тряхнуло, и Вивьен почувствовала, как холод расползается откуда-то из области солнечного сплетения.

— После этого его перевели в карцер, — продолжил Грачев. — Но странности только начинались. Каждые полгода мы были обязаны проводить медицинское освидетельствование. И каждые полгода новый психиатр выходил из камеры Курпатова бледнее мела и писал рапорт об

увольнении. За десять лет сменилось семнадцать специалистов. Семнадцать, Тарасова. Последний, профессор Мельников из Москвы, светило отечественной психиатрии, продержался двенадцать минут. Вышел, закурил, хотя не курил двадцать лет, и сказал мне одну фразу: «Игорь Денисович, то, что сидит в этой камере, не является человеком в полном смысле этого слова. Это нечто, научившееся носить человеческую кожу».

Вивьен слушала, и в ее голове уже складывался портрет. Но это был не портрет безумца. Это был портрет хищника. Терпеливого, расчетливого хищника, который выбрал клетку в качестве засады.

— Как он мог организовать взрыв? — спросила она. — Вы же говорите, он десять лет без связи. Ни свиданий, ни писем, ни телефона.

Грачев тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько профессионального отчаяния, что Вивьен на мгновение пожалела этого пожилого подполковника с его рухнувшей в буквальном смысле тюрьмой.

— Мы пока не знаем. Саперы сказали, что взрывчатка была заложена в вентиляционные шахты третьего корпуса минимум семь лет назад. Семь лет, Тарасова. Восемь килограммов пластита, аккуратно замурованного в бетон при строительстве корпуса. А корпус этот строили пятнадцать лет назад. Тогда Курпатов был еще на свободе. Он еще даже не совершил тех преступлений, за которые его посадили. — Подполковник посмотрел Вивьен прямо в глаза. — Понимаете, что это значит? Он знал, что попадет именно в эту тюрьму. Он готовил это пятнадцать лет. Задолго до ареста.

В динамиках затрещал голос пилота, объявляющего о снижении. Вивьен прильнула к иллюминатору и увидела, как из серой хмари проступают контуры исправительного учреждения «Горный тупик». С высоты птичьего полета тюрьма напоминала гигантскую бетонную звезду, вписанную в ландшафт так плотно, словно ее не строили, а вырезали прямо в скальном массиве. Три длинных луча расходились от центрального узла с административными зданиями. Один из лучей — третий корпус — зиял рваной раной. Бетонные плиты были вывернуты наружу чудовищной силой, обнажая покореженную арматуру и черные, обугленные внутренности. Даже с высоты было видно, что внутри не выжил никто.

Вертолет пошел на посадку, и Вивьен вдруг ощутила приступ тошноты, смешанной с ледяным, пробирающим до костей любопытством. Она ступала на землю, пропитанную кровью и тайной, и где-то глубоко под этой землей, в каменной норе, лишенной света, ее ждал человек с мраморным черепом и голосом, которого никто не слышал целое десятилетие.

666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666

Плац перед административным корпусом был усеян осколками стекла, хрустевшими под подошвами, словно костяная крошка. В воздухе, несмотря на пронизывающий ветер, все еще стоял тяжелый, сладковатый запах — смесь горелой проводки, бетонной пыли и чего-то неуловимо органического, от чего желудок Вивьен сжимался в инстинктивном спазме. Она старалась не смотреть в сторону разрушенного корпуса, но взгляд сам собой притягивался к черному провалу, зиявшему в теле бетонного исполина. Там, среди искореженных конструкций, еще копошились фигурки спасателей в оранжевых жилетах, но Вивьен понимала: они уже не спасают. Они извлекают. То, что осталось от ста семидесяти трех заключенных и двенадцати охранников ночной смены.

Грачев провел ее через несколько постов охраны, где молчаливые люди с автоматами проверяли документы с какой-то похоронной тщательностью. Каждый раз, когда тяжелая металлическая дверь захлопывалась за спиной, Вивьен чувствовала, как пространство сжимается, отрезая ее от внешнего мира слой за слоем. Они спускались все ниже. Лестничные пролеты сменялись пандусами, бетонные стены становились толще, воздух — холоднее и влажнее, а

электрический свет — тусклее, пока наконец не приобрел болезненно-желтый оттенок, характерный для помещений, которые никогда не видели солнца.

— Подземный блок «Аид», — пояснил Грачев, когда они остановились перед массивной герметичной дверью, больше похожей на вход в бомбоубежище. — Сюда попадают те, кого уже нельзя содержать с людьми. Не по режиму, а по... соображениям безопасности для окружающих. Таких, как Курпатов, за всю историю учреждения было трое. Двое покончили с собой в первые полгода. Он сидит десятый год.

Подполковник набрал код на электронном замке, приложил палец к сканеру, и дверь с шипением гидравлики отъехала в сторону. За ней открылся узкий коридор, вдоль которого тянулись всего четыре камеры. Три из них были пусты — их стальные двери стояли распахнутыми, обнажая голые бетонные коробки с одинокими лежаками. Четвертая, в самом конце коридора, была закрыта. Именно к ней вела цепочка тусклых ламп под потолком, и именно перед ней, на складном металлическом стуле, сидел молодой охранник с лицом человека, который уже неделю не спал.

— Свободен, Дим, — бросил Грачев. — Дальше я сам.

Охранник поднялся, и Вивьен заметила, как дрожат его руки. Он не ушел сразу. Вместо этого он приблизился к подполковнику и что-то быстро зашептал ему на ухо. Лицо Грачева окаменело.

— Когда? — спросил он.

— Час назад. Я заглянул в глазок проверить, а он... он стоял прямо у двери и смотрел на меня. Ждал. Сказал: «Она уже близко». Откуда он знал? Мы же не объявляли.

Грачев жестом отпустил охранника и повернулся к Вивьен. В его глазах читалось что-то, чего она никак не ожидала увидеть у боевого офицера: страх. Не профессиональная осторожность, не бдительность, а глубинный, почти суеверный ужас.

— Последний инструктаж, Тарасова, — сказал он. — В камеру я вас завести могу. Но гарантировать, что вы оттуда выйдете в том же психическом состоянии, что и вошли, не стану. Это не допросная. Там нет решеток между вами и ним. Там только два метра бетонного пола и воздух, которым вы будете дышать вместе. Он не прикован и не зафиксирован. Но он не опасен физически. Он опасен иначе.

— Как? — спросила Вивьен, проверяя диктофон во внутреннем кармане.

— Я не знаю, — честно ответил Грачев. — За десять лет я так и не понял механизма. Знаю только результат. Люди, которые долго с ним говорят, меняются. Они начинают видеть то, чего нет. Или то, что есть, но чего они видеть не должны.

Вивьен глубоко вздохнула. Она вспомнила фотографию своих родителей, которую хранила в бумажнике. Вспомнила координаты на клочке бумаги, лежащем сейчас в нагрудном кармане ее бронежилета. Отступить было поздно.

— Открывайте.

Грачев повернул тяжелый вентиль замка. Металл заскрежетал, и дверь, толстая, как банковский сейф, медленно отворилась. Изнутри пахло холодом. Не физическим холодом замерзшего подземелья, а каким-то иным, метафизическим холодом пустоты. Вивьен переступила порог и услышала, как дверь за ее спиной закрылась с глухим, окончательным стуком.

Камера была кубом три на три метра. Бетонные стены, покрашенные в тусклый серый цвет. В углу — стальная параша. У дальней стены — лежак, прикрученный к полу анкерными болтами. На лежаке, скрестив ноги и положив руки на колени ладонями вверх, сидел человек.

Он был именно таким, как на фотографии, но реальность оказалась страшнее любого снимка. Кожа его, лишенная солнечного света в течение десяти лет, приобрела тот особый, полупрозрачный оттенок, какой бывает у глубоководных существ, никогда не поднимающихся на поверхность. Сквозь нее просвечивали голубоватые нити вен. Череп был гладко выбрит, и каждая кость черепной коробки проступала с анатомической четкостью. Глаза были закрыты,

но Вивьен чувствовала: он знает, где она стоит. Знает, как она дышит. Знает, как бьется ее сердце.

Она сделала шаг вперед. Потом еще один. И тогда он открыл глаза.

Радужки были бледно-голубыми, почти бесцветными, как вода в горном озере, промерзшем до самого дна. В них не было безумия. В них не было злобы. В них было нечто гораздо более страшное: абсолютное, безмятежное спокойствие существа, которое знает все ответы на все вопросы и ждет, когда вопросы наконец будут заданы правильно.

Родриго Курпатов медленно, словно пробуждаясь от долгого сна, разомкнул губы. Его голос оказался на удивление мягким, бархатистым, с легкой хрипотцой давно не используемых связок.

— Здравствуйте, Вивьен. Я рад, что вы приняли мое приглашение. Прошу вас, присаживайтесь. У нас много работы. И, пожалуйста, достаньте ваш диктофон. Вам понадобится записать каждое слово.

Он улыбнулся. Это была не улыбка безумца. Это была улыбка шахматиста, который только что поставил ферзя на решающую клетку и теперь наблюдает, как противник осознает неизбежность мата.

Где-то наверху, в разрушенном третьем корпусе, очередная порция бетонной крошки осыпалась в бездонную черноту. А в каменной норе под землей начался первый за десять лет разговор, который должен был изменить все.

Глава 2. Кровь на белом

Тишина в камере была не просто отсутствием звука. Она была материальной, плотной, как вода на большой глубине. Вивьен физически ощущала, как эта тишина давит на барабанные перепонки, смешиваясь с ритмичным, глухим биением ее собственного сердца. Она достала диктофон — маленький цифровой блокнот с мощным микрофоном и тридцатью двумя гигабайтами памяти — и положила его на бетонный пол ровно посередине между собой и Курпатовым. Красный огонек записи замигал, словно глазок какого-то механического зверька, притаившегося в засаде.

Курпатов проводил диктофон взглядом, и в его бледно-голубых глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.словно учитель, наблюдающий за тем, как способный ученик правильно выполняет первое задание.

— Вы предусмотрительны, — произнес он, слегка склонив голову набок. — Это хорошо. Предусмотрительность — добродетель выжившего. Но я бы посоветовал вам включить второй канал записи. То, что я расскажу сегодня, вы захотите прослушать дважды. А возможно, и трижды. Некоторые истины не умещаются в одно прослушивание.

Вивьен не ответила. Она знала это правило — правило молчания на первой минуте. Дай собеседнику выговориться, не показывай свой страх, не задавай вопросы слишком рано. Она просто достала из кармана второй диктофон и включила его. Теперь на полу горели два красных огонька.

— Bravo, — Курпатов едва заметно улыбнулся. — А теперь начнем. Вы хотите знать, как человек, запертый в бетонном мешке без связи и без контактов с внешним миром, сумел организовать взрыв корпуса. Ответ прост: я не организовывал его из камеры. Я организовал его пятнадцать лет назад, когда корпус еще только строился. Но это лишь механика. Механика скучна, Вивьен. Гораздо интереснее мотив. А мотив всегда один и тот же — красота.

Он замолчал, и его взгляд на мгновение ушел куда-то вглубь бетонной стены, словно он видел сквозь нее нечто, недоступное обычному зрению.

— Я хочу рассказать вам одну историю. Это будет первая история из тех, что я намерен вам поведать. Она не имеет прямого отношения к взрыву, но она имеет прямое отношение к тому, кем я являюсь. И к тому, почему вы сидите сейчас на этом холодном полу. Вы готовы?

Вивьен кивнула. Ее горло пересохло настолько, что она не была уверена, сможет ли выдать хотя бы слово.

— Тогда слушайте. История первая. «Балерина и белый шелк».

Курпатов откинулся спиной к стене, и его лицо оказалось наполовину скрыто тенью. Только глаза продолжали мерцать в полумраке, как два осколка полярного льда.

— Пятнадцать лет назад, когда я еще был свободным человеком и наслаждался всеми радостями, которые может предложить большой город, я посещал один частный театр на Таганке. Не из любви к искусству, нет. Искусство в чистом виде всегда казалось мне слишком пресным, слишком стерильным. Меня интересовали люди, которые его создают. Балерины особенно. Знаете ли вы, Вивьен, что балерина — это идеальный объект для наблюдения? Ее тело — инструмент, заточенный годами пыток. Пыток, которые она сама называет репетициями. Ее психика — натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. И вся эта конструкция держится на одном единственном гвозде — на одержимости. На маниакальном, безумном стремлении к совершенству, которое никогда не будет достигнуто.

Он говорил тихо, монотонно, почти напевно. И каждое его слово падало в тишину камеры, словно капля ледяной воды на темя.

— Ее звали Алиса Северцева. Двадцать три года. Ведущая солистка. Подающая надежды звезда, которой прочили сцену Большого. У нее были волосы цвета пшеницы, собранные в тугий пучок, и глаза, полные того особенного ужаса, какой бывает только у очень талантливых людей перед выходом на сцену. Я наблюдал за ней три недели. Изучал ее расписание, ее маршруты, круг общения. Она была идеальна. Понимаете? Идеальна.

Курпатов сделал паузу, и Вивьен вдруг поняла, что ее пальцы, сжимающие край бронжилета, побелели от напряжения.

— Я не охотился на нее, если вы подумали об этом. Охота — это примитивное занятие для тех, кто не умеет творить. Я пригласил ее на танец. На последний танец в ее жизни. И она согласилась, потому что я предложил ей то, от чего она не могла отказаться: абсолютное совершенство. Я сказал, что знаю способ превратить ее тело в произведение искусства, которое переживет века. И она, будучи балериной, будучи одержимой идеей вечности, поверила.

Он снова замолчал, и на этот раз молчание длилось почти минуту. Когда он заговорил снова, его голос звучал чуть иначе — словно он читал стихи, которые знал наизусть уже много лет.

— Я отвел ее в арендованный лофт на Красном Октябре. Там было много белого шелка. Много-много белого шелка, которым я задрапировал стены, пол и потолок. Это было важно. Шелк — материал благородный. Он не впитывает запахи так, как впитывает их дешевая ткань. И он прекрасно смотрится в контрасте с красным. А контраст, Вивьен, это основа любой эстетики. Вы согласны?

Вивьен молчала. Она чувствовала, как к горлу подступает комок, но заставляла себя сохранять неподвижность.

— Я не буду описывать вам технические детали, — продолжил Курпатов. — Это слишком... интимно. Скажу лишь, что весь процесс занял шесть часов. Шесть часов абсолютной, кристальной красоты. Она не кричала. К концу второго часа она уже не могла кричать. К концу четвертого — не хотела. А к концу пятого — она смотрела на меня с благодарностью. С благодарностью, Вивьен. Потому что в тот момент она наконец-то достигла совершенства. Ее тело стало тем, чем оно всегда должно было быть — объектом чистого искусства.

Курпатов медленно перевел взгляд на Вивьен, и она почувствовала, как ледяная игла пронзает ее позвоночник.

— Проблема заключалась в том, что убрать за собой я не успел. Меня арестовали через два дня. Совершенно по другому делу. Нелепая случайность, связанная с моей... скажем так, излишней откровенностью в общественном месте. И тело Алисы так и осталось лежать в том лофте. Но знаете, что самое интересное? Его до сих пор не нашли. Я следил за новостями. Даже сидя здесь, в этом каменном мешке, я находил способы получать информацию. Дело Алисы Северцевой до сих пор висит как «пропавшая без вести». Никто не знает, что с ней случилось. Никто, кроме меня.

Он улыбнулся — мягкой, почти нежной улыбкой.

— И вот теперь я рассказываю это вам. А вы запишете и опубликуете. И когда ее тело наконец найдут по моим указаниям, мир содрогнется. Но это будет лишь начало. Потому что это была только первая история, Вивьен. Первая из многих. И каждая следующая будет... интереснее.

Красные огоньки диктофонов продолжали мерцать в полумраке, бесстрастно фиксируя каждое слово человека, который только что создался в убийстве, оставшемся нераскрытым полтора десятилетия.

666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666 666

Вивьен смотрела на диктофоны, чувствуя, как реальность происходящего расслаивается, словно старый фотоснимок, брошенный в воду. Она сидела в бетонной камере, на глубине двадцати метров под землей, и слушала, как человек с глазами полярного льда спокойно, методично, с отстраненностью патологоанатома описывает убийство, которого, согласно всем официальным документам, просто не существовало. Алиса Северцева. Она помнила это имя. Смутно, как помнят обрывок мелодии, услышанной в детстве. Кажется, пару лет назад был какой-то документальный фильм о пропавших артистах. Один из тех фильмов, что крутят по ночам на нишевых каналах и которые никто не смотрит. Там мелькало это лицо — юное, одухотворенное, с широко распахнутыми глазами, полными надежды на великое будущее. И вот теперь обладательница этого лица лежит где-то в заброшенном лофте, завернутая в белый шелк, и ждет, когда ее найдут.

— Вы не верите мне, — произнес Курпатов, и это был не вопрос. Утверждение. Констатация факта, прочитанного в ее глазах так же легко, как строчка в книге. — Это нормально. Здоровый скептицизм — признак работающего интеллекта. Но позвольте мне подкрепить свои слова доказательствами.

Он медленно поднялся с лежака. Движение было плавным, текучим, лишенным той угловатой резкости, которая свойственна людям, долгое время находившимся в заключении. Вивьен инстинктивно напряглась, но Курпатов не сделал ни шага в ее сторону. Он повернулся к стене позади себя — голой бетонной плите, исчерченной едва заметными царапинами, — и провел по ней ладонью. Жест был почти ласковым, как прикосновение к старому другу.

— Десять лет, Вивьен. Десять лет у меня не было ни бумаги, ни карандаша в привычном понимании. Но у меня было время. Бесконечное, неисчерпаемое время. И у меня была стена. — Он слегка надавил на какой-то выступ, и часть бетонной поверхности, повинаясь скрытому механизму, отъехала в сторону. — Когда хочешь что-то запомнить, а инструментов нет, приходится использовать то, что под рукой. В моем случае — собственные ногти. И собственный... материал.

Вивьен прищурилась, пытаясь разглядеть, что скрывается в открывшейся нише. Сначала она увидела просто пачку каких-то листов, испещренных бурными линиями. Потом, когда Курпатов извлек их на свет, до нее дошел ужасный смысл его слов.

Это были письма. Сотни, тысячи знаков, выведенных на обрывках тюремной робы, на кусках простыни, даже на высушенных и разглаженных фрагментах чего-то, что когда-то

явно было живой тканью. И все они были написаны одним и тем же веществом. Кровью. Его собственной кровью, судя по количеству материала.

— Здесь хроника всех моих деяний, — сказал Курпатов, бережно раскладывая листы на бетонном полу между ними. — Даты, координаты, имена. Двадцать семь эпизодов, Вивьен. Двадцать семь. И это только те, которые я считаю достойными упоминания. Поверьте, был еще ряд... пробных работ, но они не заслуживают вашего внимания. Слишком ученические.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.